

© 1994 г.

А.Б. АГРАНАТ, В.Н. ТИТОВ

**ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
МОСКОВСКИХ АССИРИЙЦЕВ:
ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ**

АГРАНАТ Аркадий Борисович — студент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ТИТОВ Владимир Николаевич — ведущий эксперт отдела национальной политики Министерства культуры РФ; аспирант Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН. В «Социологических исследованиях» публикуются впервые.

Кафедрой этнологии МГУ и лабораторией социально-экономических проблем культуры ИСЭПН РАН осенью 1992 г. был проведен опрос среди московских ассирийцев¹, основная цель которого — исследование факторов, влияющих на поддержание их относительной этнической идентичности. Помимо принятого при подобном рода анкетировании определения степени владения респондентами родным языком, уровня исторического и национального самосознания, характера межэтнических общений, ориентации на возрождение самобытного образа жизни (см., например, [1, 2]), в анкету включено несколько вопросов, позволяющих получить представление о некоторых сторонах свойственного им демографического поведения.

Всего опрошено 77 человек: 45% женщин и 55% мужчин; в возрасте до 30 лет — 26%, от 30 до 50 лет — 33,9%, свыше 50 лет — 40,1%; 32,5% имели неполное среднее, 25,9% — среднее, 11,7% — среднее техническое, 7,8% незаконченное высшее и 22,1% — высшее образование.

Большинство респондентов живет нуклеарными, или ядерными семьями (58,4%). Этот показатель весьма существен, если напомнить, что традиционная ассирийская семья была многопоколенной [3, с. 22]. Первые ассирийские семьи оказались в Москве примерно в начале 20-х годов нынешнего столетия после массового исхода в результате геноцида из пределов Османской империи. На прежних территориях компактного расселения они занимались главным образом сельским хозяйством и в меньшей степени мелким ремеслом, отходничеством и торговлей [Там же, с. 41]. Эти обстоятельства, наряду с политическими и конфессиональными факторами (ассирийцы как христиане, находясь в исламском окружении, испытывали дополнительные экономические тяготы), способствовали сохранению родоплеменного уклада, поддержанию института маликства и совета старейшин. Даже в 30-х годах в условиях Москвы многие традиционные социальные связи и нормы продолжали функционировать довольно эффективно [4].

¹ Согласно переписи 1989 г. а Москве проживало 3196 ассирийцев.

С точки зрения соотношения супружеских ролей, в социологии обычно выделяют авторитарный и эгалитарный типы семей, или как их еще называют, комплементарный (с достаточно жестким распределением обязанностей между супругами) и универсальный (когда они строятся по принципу взаимозаменяемости) [5]. Нетрудно заметить, что эти типы соответствуют модернизированной и традиционной ориентации социального действия. Так, на вопрос «Кому должен принадлежать решающий голос при обсуждении важных семейных проблем?» 34% опрошенных ответили - мужу, 17% — жене и около 43% — «тому, чей совет окажется более целесообразным». Последний вариант ответа свидетельствует о явном отрыве от издавна сложившихся установлений, тогда как первые два в большей мере соответствуют им. Еще несколько десятилетий назад глава ассирийской семьи (риш-кульпат) пользовался практически неограниченной властью. В его ведении сосредоточивались многочисленные экономические функции, обязанности, связанные с заключением брака, организацией торжеств и застолий. Впрочем, и роль жены была немаловажной, особенно в воспитании детей, наблюдении за домашним хозяйством и даже участии в семейном совете [3, с. 22—23]. Примечательно в связи с этим и такое мнение интервьюируемых: «женщина не должна садиться за стол вместе с гостями мужа, а только прислуживать». Поэтому сегодня правомерно говорить не просто об остаточности или реминисценциях бытовавших ранее порядков в семейных делах, но и об определенной укорененности и действенности традиционного комплементарно-авторитарного начала.

Как свидетельствуют различные путешественники и миссионеры, посещавшие горные районы турецкого Курдистана в прошлом веке, ассирийцы практически не вступали в брак с представителями мусульманских народов (турками, курдами) [6]. Ослушавшихся же могла настигнуть кара [3, с. 23]. Для выяснения отношения московских ассирийцев к бракам с представителями других национальностей респондентам был предложен соответствующий вопрос. Сугубо традиционалистскую позицию заняли 17%, а на противоположном полюсе — 44,2%, не придающих национальности в браке никакого значения. Интересно отметить, что среди последних только 10,4% составляет молодежь в возрасте до 30 лет. Умеренно традиционалистский настрой отличает 14,3% опрошенных, считающих межэтнические браки допустимыми в том случае, если вступающий в брак представитель иного народа будет придерживаться ассирийских обычаев и традиций. Сюда же тяготеют и те, кто отдает предпочтение людям своей национальной среды, хотя против выбора «чужака» категорически возражать бы не стали (20,8%). В качестве дополнительной иллюстрации можно привести высказывания двух лиц преклонного возраста: «за брак с иудеем в нашей среде проклинали», «браки с мусульманами не одобряю»; здесь в качестве критерия неприятия выступает, скорее, конфессиональный, а не собственно этнический признак.

Какой же картина выглядит в реальности? 75,3% охваченных опросом указали, что их ближайшие родственники состоят в браке с людьми иных национальностей, в их числе называют русских (58,4%), армян (16,9%), грузин (11,7%), украинцев (5,2%), евреев (5,2%). В этом ряду выделяются русские, как представители преобладающего этноса в Москве (к тому же культурные контакты с русскими облегчаются тем, что 66% респондентов считают себя православными), а также армяне и грузины, как народы, близкие по конфессии и имеющие с ассирийцами длительные и устойчивые контакты. Таким образом, традиция выбора брачного партнера преимущественно внутри собственной этнической группы (правда, весьма трансформировавшаяся) продолжает сохраняться на ценностном уровне известную стабильность. Отметим, что наблюдается даже некоторая тенденция возрастания ценности внутриэтнических браков у молодого поколения.

Прежде ассирийцам (особенно горному племени джилу) обычно было свойственно заключать внутриэтнические браки, но еще более предпочтительными признавались браки внутриродовые [Там же, с. 22]. Решающее слово, понятно, принадлежало

Распределение ответов на вопрос «Какой способ заключения брака является наилучшим?», %

№ варианта ответа	До 30 лет	От 30 до 50 лет	Свыше 50 лет
1	2,6	2,6	3,9
2	19,5	14,3	31,2
3	5,2	15,6	3,9

родителям молодоженов. С целью проверки степени устойчивости данной традиции в анкете поставлен вопрос: «Какой способ заключения брака является наилучшим?» Ответы распределились так: 1) по договоренности родителей жениха и невесты — 9,1%; 2) по согласию молодых, одобряемому родителями — 64,9%; 3) родительское мнение не воспринимается как определяющее — 24,7%.

Первый, условно названный «традиционным» и не очень распространенный вариант мотивации присущ чаще женщинам (5,2%); современный («модернизированный») тип установки, не считающийся с мнением родителей при выборе брачного партнера, демонстрирует, как мы видели, явно большая часть респондентов (тут преобладают мужчины — 14,3%). О соотношении же их по основным возрастным группам можно судить, ознакомившись с табл. 1. Естественно, что значительно меньшее доверие к личному выбору будущего супруга проявляют люди старшей возрастной группы. Удивительно другое: молодое поколение, несомненно, проявляет больший традиционализм, чем люди среднего возраста, что указывает на тенденцию людей определенного возраста к бытовавшей в прошлом установке брачного поведения.

Для проверки сохранности традиционного идеала брачного поведения был задан вопрос о том, как сами респонденты вступали в брак. Традиционный способ выбора партнера увеличился до 10,4%, а модернизированный сократился соответственно до 15,6%. Словом, реальная ситуация заметно отличается от идеальных представлений, смещаясь в сторону традиционализма. К примеру, один из респондентов дополнил свой ответ рассказом о том, что родители предлагали ему на выбор несколько кандидаток, а женщина 46 лет отметила, что до свадьбы вовсе не видела своего будущего супруга.

Стремление эмансипироваться от влияния авторитета семейного начала проявили 24,7% опрошенных, полагающих, что молодая семья должна обязательно жить отдельно от родителей. Однако 18,7% считают, что молодоженам лучше оставаться в родительских чертогах. Напомним: традиционная ассирийская семья жила, как правило, в одном доме или в домах, расположенных рядом, что обеспечивало действенный социальный контроль над поведением членов семьи и рода, являясь дополнительным фактором внутрисемейной стабильности.

Коснемся далее такой важнейшей составляющей демографического поведения, как репродуктивная, или детородная установка, которой придерживаются московские ассирийцы. Специалисты-демографы относят к типу современной одно-двухдетную семью, семьи же, превышающие данное количество, вероятно, следует признать, скорее, традиционными по характеру репродуктивной установки, которую мы отличаем от реальной картины детности. Анкета предусматривала вопрос об идеальном количестве детей в семье. Получены следующие результаты (%):

1. 1—2 ребенка — 35,1;
2. 3 ребенка — 16,9;
3. 4 ребенка — 10,4;
4. 4 и более детей — 2,3;
5. Ответы типа: «чем больше, тем лучше», «сколько Бог даст» — 18,2;
6. В зависимости от материального положения в семье — 5,2.

Итак, к этосу современной или целерациоальной репродуктивной установки в целом склоняются около 41% опрошенных (с учетом шестого закрытия, указывающего, скорее, на отход от традиции перед принимаемой необходимостью

Распределение ответов на вопрос об идеальном количестве детей, %

Варианты	До 30 лет	От 30 до 50 лет	Свыше 50 лет
1—2 ребенка	15,6	10,4	7,8
3 и более	5,2	9,1	13,0
Полный отказ от регулирования уровня детности	—	5,5	11,5

экономической ситуации). Однако еще большая часть (48%) проявляет приверженность традиционному детородному идеалу, что особенно ярко иллюстрирует ответ «сколько Бог даст», свидетельствующий о полном неприятии самой мысли относительно какого-либо регулирования уровня детности. Кроме того, 13% отметили в числе наиболее актуальных жизненных ценностей вариант закрытия «иметь много детей». Небезынтересно, что большую долю «традиционалистов» в этом плане составляют мужчины — 10,4% (женщин — 7,8%), не допускающие вмешательства в репродуктивную сферу семейной жизни. Такой же ценности придерживаются лица с неполным средним (6,5%), либо с высшим образованием (5,2%), в то же время в этой группе получивших среднее, среднее специальное и незаконченное высшее образование соответственно — 2,6%, 2,6% и 1,3%. Пожалуй, для наименьшей образовательной категории — это, скорее, неотрефлексированная, находящаяся на уровне «коллективной бессознательной» компоненты, ценность, тогда как для носителей высшего образования — четко выраженная позиция, продукт идеала «возрождения».

Дополним эти рассуждения табл. 2, характеризующей полученный материал в соответствии с выделенными нами возрастными группами.

Прослеживается явная ориентация на малодетную семью у молодого поколения, настроенного вполне современно в отношении регламентации репродуктивного поведения, а традиционная многодетная семья в качестве идеальной признается людьми средней и старшей возрастных групп.

Матримониальные, брачные и репродуктивные установки тесно соотносятся с авторитетом и ценностью семейного начала. На вопрос «С кем Вы предпочитаете советоваться при решении наиболее серьезных жизненных проблем?» 65% опрошенных назвали близких родственников. Вместе с тем личный выбор в подобных ситуациях отстаивают только 27,3%. Надо добавить, что превалирующая часть респондентов (78%) в числе жизненно важных ценностей указала на наличие «крепкой и дружной семьи». Для сравнения заметим, что личностно-значимые ценности (собственный успех, влияние в кругу друзей) занимают более скромное место (44,2%).

Семья, бывшая ранее у ассирийцев ведущим элементом их социальной организации, обладавшая многочисленными хозяйственными функциями и прерогативами и тем самым оказывавшая значительное соционормативное воздействие на индивидуальное бытие человека, продолжает и сейчас сохраняться не только в ипостаси идеальной ценности, но и как живой и весьма эффективно функционирующий институт.

Вот каким предстает этот «крепкой и дружной семьи» в возрастных группах: до 30 лет — 20%; от 30 до 50 лет — 35%; свыше 50 лет — 43,3%. Эти показатели указывают на тенденцию усиления установки по мере нарастания возраста респондентов. Какой-либо дифференциации по полу не прослеживается.

Зато любопытная корреляция обнаруживается между уровнем образования и идеалом семейной стабильности: неполное среднее — 23,4%; среднее — 20,8%; среднее специальное — 6,5%; незаконченное высшее — 3,9%; высшее — 22,1%. Респонденты, имеющие, условно говоря, «промежуточный» тип образования (среднее специальное, незаконченное высшее), не делают акцент на идеале прочной семьи но наибольшая доля лиц, назвавших семью среди важнейших ценностей, приходится

на тех, кто получил либо неполное среднее, либо высшее образование. В одном случае, следовательно, имеет место естественная межпоколенная трансмиссия традиционного идеала, а в другом — осознанная установка, которую пытаются утвердить, как возрождаемую социально-этическую норму, представители ассирийской интеллигенции.

В нашем нынешнем обществе, характеризующемся, в частности, радикальной социокультурной трансформацией, которая затрагивает и малочисленные этнические группы, происходит размывание прежних оснований самоидентификации. В обстановке разрушенной прежней макроидентичности — «советский народ» — и неформальности новой на первый план выступают семья, этнос, как ближайшая возможность ощутить связь с определенной общностью. Проведенный опрос позволяет заключить, что модернизированные, лично-ориентированные индивиды, придерживающиеся целерациональной мотивации демографического поведения, среди опрошенной части московских ассирийцев занимают еще скромное место (по основным показателям — от 44 до 24,7%). Преобладающей все же остается установка на традиционный поведенческий тип. Однако из этого вряд ли стоит делать однозначные выводы об отсутствии способности адаптироваться к изменяющимся условиям, усвоить адекватный образ существования. Напротив, репродуцирование некоторых элементов национальной культуры в сфере социальных, в том числе семейных отношений, как полагаем, не служит сдерживающим фактором в процессе социокультурной модернизации, если последнюю не сводить к чистой «вестернизации» [7]. Отдельные этнокультурные особенности, выполняя соционормативные функции, создают возможность стабилизировать этническую общность в урбанизированной среде и предохранить ее от социальной эрозии. На относительную устойчивость многих демографических установок, воспроизводство традиционного этоса семейно-брачных отношений оказывает также влияние и соблюдение обычаев, ритуалов в особо важных жизненных обстоятельствах (рождение ребенка, свадьба, похороны) — около 81% опрошенных и конфессиональный фактор (66,2% респондентов считают себя православными, а 23,4% несторианами). В целом обозначенная проблема требует дальнейшего тщательного изучения и, разумеется, сравнительного анализа полученных данных с материалами исследований аналогичных этнических образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987.
2. *Титов В.Н.* Этнокультурная характеристика московских ассирийцев // *Этнографическое обозр.* 1992. №5.
3. *Матвеев К.П.* Ассирийцы. Вып. 1. Кн. 3. М., 1991.
4. *Скоробогатов В.* Айсоры в СССР // *Просвещение национальностей.* 1931. № 1. С 67.
5. *Можны И.* От комплиментарности к универсализации (о социальных ролях мужчины и женщины) // *Социол. исслед.* 1985. № 4. С. 88.
6. *Gram A.* The nestorians or the lost tribes. London, 1848. P. 188—190.
7. *Delacroix J., Ragin Ch.* Modernizing Institutions, Mobilisation and Third World Development: A Cross-National Study // *American Journal of Sociology.* 1978. V. LXXXIV. № 1. P. 145.